

- ²⁹ См.: Михаил Леонович Гаспаров. 1935–2005 (Серия «Материалы к биобиблиографии ученых» РАН) / Сост. Г.Г. Грачева, Ю.Б. Орлицкий, А.Б. Устинов. Авторы вступит. статей: С.И. Кормилов, Н.В. Брагинская. М., 2012; в интернете: http://en.wikipedia.org/wiki/Mikhail_Gasparov (в Википедии есть страницы о М.Л. на русском, английском, французском, эстонском – и на латыни!). Тексты многих работ М.Л. доступны теперь в интернете по адресу: <http://philologos.narod.ru/mlgaspar/gasparov.htm>
- ³⁰ *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2000.
- ³¹ Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006.
- ³² *Гаспаров М.Л.* Научная «щель» // Свой путь в науке: Коллективный портрет ИВГИ (Чтения по истории и теории культуры). М., 2004. Вып. 44. С. 31.
- ³³ О С.Ю. Неклюдове см., например: Кирпичики: Фольклористика и культурная антропология сегодня (Сборник в честь 65-летия Сергея Юрьевича Неклюдова). М., 2008; и в интернете: http://ru.wikipedia.org/wiki/Неклюдов,_Сергей_Юрьевич
- ³⁴ *Корнелий Тацит.* Соч.: В 2 т. Л., 1969. Т. 2: История. С. 5.

С.Ю. Неклюдов

В НАЧАЛЕ ПОЗАПРОШЛОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ...

ЕСТЬ ДЕЛА, ДЛЯЩИЕСЯ ГОДАМИ, вовлекающие в свою орбиту большое количество участников и привлекающее заслуженно широкое общественное внимание. Таким делом, ставшим многолетним научным событием является Институт высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета.

В начале позапрошлого десятилетия, столь ярко завершившего уходящий век, в один из апрельских дней 1992 г., мы с Еленой Петровной Шумиловой сидели в фойе возле ректорского кабинета (сейчас это «аудитория 220») и составляли перечень «самого необходимого» – того, что в первую очередь требовалось для нового, еще не существовавшего, еще только задуманного подразделения Российского государственного гуманитарного университета; в ближайшем будущем ему предстояло стать Институтом высших гуманитарных исследований – едва ли не первым в стране гуманитарным университетским научным центром. Практически сразу же определившийся первый состав этого Института теперь вспоминается с восхищением и грустью: он был столь же ярок и уникален, сколь горькими и обильными стали утраты последних лет.

А вначале не было ничего; многие мелочи приходилось приносить из дома. Проблемой оборачивалось все – от скрепок до столов, но решались эти проблемы как-то весело, без напряжений. Помню наши первые пишущие машинки (они и поныне пылятся на шкафах, годные разве что для музея истории ИВГИ, которому вряд ли когда-нибудь суждено состояться).

Помню нашу первую зарубежную стажировку. Михаил Реутин, отправившийся в Берлинский технический университет, отстукал свой презентационный доклад на нашей латинской машинке, у которой буквы съезжали на надстрочный и подстрочный уровни, отчего строка получалась зигзагообразной, к тому же с плохо пропечатанными красноватыми краями (лента была

двухцветной). Когда Миша вручил этот текст профессору Роланду Познеру, тот изменился в лице.

– Я знал, – сказал он, – я предполагал, что у вас неважно обстоят дела с оргтехникой, но не представлял себе, что до такой степени... Давайте, мы подарим вам компьютер.

Так у ИВГИ появился первый компьютер.

Помню наши первые кабинеты, раскиданные по разным корпусам еще не вполне заполненного РГГУ. Пути к некоторым комнатам были причудливы; так, согласно одному из них, надо было долго и с неоднократными поворотами идти по коридору четвертого этажа и в результате оказаться... на третьем этаже, где и располагался ИВГИ. Этот «мёбиусообразный» маршрут в течении нескольких месяцев не мог освоить Елеазар Моисеевич – Елена Петровна обычно встречала его у входа и затем бережно вела по лабиринту недоосвоенного пространства, своей уверенностью в правильности пути укрепляя ощущение достижимости поставленных целей.

Елена Петровна... Таких людей принято называть «душой», «движущей силой», «опорой» дела (институции, проекта), и это совершенно справедливо. Для Института высших гуманитарных исследований подобным человеком, несомненно, является Елена Петровна Шумилова. Придя в РГГУ в 1993 г., она всю свою энергию, доброжелательность, организационный талант отдала новообразованному институту, ставшему делом ее жизни.

В шкафах и ящиках столов мы находили брошенные в спешке документы прежних хозяев здания — Высшей партийной школы, сметенной валом антикоммунистической революции. Было, например, такое упоительное чтение, как отчеты диссертационного совета этой «школы»; в кабинете председателя Совета мы одно время располагались. Что за темы кандидатских и докторских диссертаций значились там! Вот уж поистине, свежо предание, а верится с трудом...

Помню наши первые трудности и первые неудачи (они, естественно, тоже случались). Зато какие аудитории собирали в эти годы семинары ИВГИ – чуть ли не каждая лекция становилась широким публичным мероприятием. Конечно, многое было связано с общественным настроением того времени, еще не пора-

В первом ряду: Л.М. Баткин, Е.П. Шумилова и Е.М. Мелетинский

женного интеллектуальной апатией, еще проникнутого духом неутоленного интереса к ранее закрытым областям гуманитарного знания. Однако не в меньшей мере людей привлекало соцветие замечательных ученых, собравшихся в стенах Института высших гуманитарных исследований. Память об этом времени хранят старые афиши – в «доинтернетную» эпоху мы развозили их по Москве, расклеивая на стенках библиотек, вузов, научных институтов, имеющих близкий к нам академический профиль. Коллекция этих афиш где-то сберегается Еленой Петровной (опять-таки – экспонаты для «музея истории ИВГИ»).

Публикационными проблемами основатели Института занялись практически с первых дней его существования. Поначалу в РГГУ вообще не было никакого издательства, а потому устные формы научного дискурса, единицей которого был доклад на семинаре, поневоле занимали значительное, чуть ли не определяющее место в деятельности ИВГИ. У Елены Петровны сохранилось множество аудиозаписей, которые поначалу делались на наших домашних магнитофонах (может быть все же о «музее ИВГИ» стоит подумать?).

Соответственно, первым издательским проектом оказались «Чтения по истории и теории культуры» – серия брошюр, каждая из которых, по первоначальному замыслу, содержала публикацию одного из этих докладов. Впрочем, проект, который был задуман как серия препринтных публикаций, предназначенных

лишь для ознакомления ближайших коллег с результатами наших текущих исследований, по своему значению далеко превысил масштаб подобных задач, став полноценной и весьма представительной монографической серией, количество выпусков которой перевалило за шестьдесят. Эта «желтая серия», как ее называют по цвету обложки, была – и возможно остается – любимым книгоиздательским детищем Елены Петровны.

А жизнь за стенами университета порой заявляла о себе очень энергично. 4 октября 1993 г. на семинаре ИВГИ должен был прозвучать очередной доклад; кроме того, на тот же понедельник был назначен вступительный экзамен в аспирантуру. Накануне вечером я обзванивал сотрудников Института, согласовывая с ними время завтрашних мероприятий.

– О чем вы, Сережа? – спросил Павел Гринцер. – Какой экзамен? Какой семинар? Нынче ночью они возьмут власть и начнется кровавая резня...

Да. Вожди вооруженных банд, на произвол которых был оставлен город (милиция с его улиц куда-то исчезла), именно это и обещали. Продолжался штурм телекомпании «Останкино», и, казалось, досматриваемый теперь акт исторической драмы вот-вот завершится самым кошмарным образом – и на сцене, и в зрительном зале. Но все же я упорно старался сохранить ритм наших трудовых будней – то ли из-за нежелания поверить в подобный исход (даже вопреки его кажущейся очевидности), то ли просто пытаюсь спастись от надвигающегося ужаса. И с утра пошел на работу.

В кабинете раздался звонок.

– Сергей Юрьевич, – сказала девушка, поступающая к нам в аспирантуру (по-моему, ее звали Марина), – я не могу выйти из дому, переулок простреливается. Что будет, если я не приду на экзамен? Как мне быть?

Я разрешил ей не приходить, обещав собрать экзаменационную комиссию потом (когда потом? наступит ли это потом?).

Меж тем уже начинался штурм здания Верховного Совета РСФСР, являвшегося на тот момент штабом вооруженного мятежа (хотя все это уже называлось не иначе, как «Белый дом» и «парламент» – ох, уж это языковое сопротивление реальности!).

Тем не менее семинар состоялся, ИВГИ собрался в полном составе, и под звуки пушечных выстрелов, под дребезжание оконных стекол (оказалось, что наша Миусская находится не столь далеко от Краснопресненской набережной) звучал запланированный ранее доклад.

А 6 декабря 1993 г., через 40 дней после кончины Юрия Михайловича Лотмана, в Институте высших гуманитарных исследований состоялись первые чтения его памяти. С тех пор ИВГИ ежегодно проводит Лотмановские чтения, уже ставшие традиционными и в какой-то степени продолжающие традицию знаменитых тартуских симпозиумов сорока-сорокапятилетней давности.

Такие эпизоды первого двухлетия ИВГИ вспомнились мне сейчас...